

СОРРЕНТО ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА

А.А. КАРА-МУРЗА

Сорренто – небольшой приморский городок недалеко от Неаполя – сыграл немалую роль в истории русского культурного класса. Достаточно, например, напомнить, что в конце XIX – начале XX вв. Одессу и Сорренто связывали прямые пароходные рейсы. А визуальные «образы Сорренто» (в первую очередь, его отвесных берегов над Большой и Малой бухтами, с домом, где по преданию, родился великий Торквато Тассо), созданные художниками Сильвестром Щедриным (умершим и похороненным в Сорренто), Иваном Айвазовским, Алексеем Боголюбовым были хорошо знакомы широкому кругу культурных русских¹. Немало сделал для закрепления «образа Сорренто» в отечественном сознании и наш литературный гений – Иван Сергеевич Тургенев, дважды побывавший в Сорренто (в 1840 и 1858 гг.). Русский читатель «знает» Сорренто по тургеневским «Трем встречам» (1852), а немалому числу театралов обеих российских столиц «образ Сорренто» наверняка запомнился декорациями к одноактной комедии Тургенева «Вечер в Сорренте» (краткой итальянской реплики «Месяца в деревне») в Александринке, в театре Корша, Малом театре, Театре им. Ермоловой – с неизменным вечерним Неаполитанским заливом и курящимся Везувием на заднем плане...

«Образ Сорренто» навевает русскому уху и музыка. Слова «Вернись в Сорренто» из облетевшей мир песни братьев ди Куртис парадоксальным образом нашептывают нечто (и довольно много) людям, никогда в Сорренто не бывавшим. И та же «Torna a Surriento» продолжает отзываться в музыкальных стилизациях Алексея Рыбникова в сравнительно недавнем (и очень популярном по сей день) детском фильме «Приключения Буратино», проникая в подсознание уже нового поколения русских.

Другими словами, «образ Сорренто» оказывается включенным в не столь уж широкую галерею не вполне четких, но достаточно устойчивых национальных представлений («отпечатков»), которые еще великий Платон называл «врожденными идеями». Из «образов Италии» (термин П.П. Муратова) конкуренцию «Сорренто» может составить разве что «Venezia la bella» – «прекрасная Венеция»².

Южноитальянский городок, еще полтора-два века назад бывший рядовой рыбацкой деревушкой, в свою очередь, отвечает нам, русским, своими собственными мифами: на фасаде одного из соррентийских палаццо в числе мировых знаменитостей, посетивших Сорренто,

значится некто «Nikola Cermicewsky» (именно так — через «т»). Не будет ошибкой предположить, что это не кто иной, как наш Николай Гаврилович Чернышевский — правда, никогда в Сорренто не бывавший. Однако оплошность впечатлительных соррентийцев становится понятной, когда в обширной переписке ссыльного в суровые края Чернышевского с его женой Ольгой Сократовной мы находим яркие описания «Сорренто» как чаемого ими обоими «земного рая», где они когда-нибудь окажутся вместе — миф в который раз обретает черты реальности.

Предлагаемая статья, как верится автору, должна укрепить образ «русского Сорренто», ибо именно там весной 1876 г. самый крупный из русских философов — Владимир Сергеевич Соловьев — пережил невероятные приключения и написал один из самых значимых и одновременно самых загадочных своих текстов.

Заграничному путешествию В.С. Соловьева 1875—1876 гг. в Англию, Египет, Италию, Францию посвящена большая литература. Это вполне объяснимо: исследователи жизни и творчества Соловьева сходятся в том, что из этой поездки он вывез некоторые важные контуры своей дальнейшей религиозно-философской системы, первыми набросками которой стали тексты, написанные в Каире и Сорренто на французском языке и объединенные под названием «София»³. Письма самого Соловьева того времени, а также большая работа, сделанная его биографом С.М. Лукьяновым, позволяют достаточно подробно проследить путешествие Соловьева⁴.

Как известно, в марте 1875 г. Совет Московского университета, рассмотрев представление историко-филологического факультета, удовлетворил ходатайство 22-летнего доцента В.С. Соловьева о предоставлении ему заграничной командировки на один год и три месяца в Англию, «преимущественно для изучения в Британском музее памятников индийской, гностической и средневековой философии»⁵. 21 июня 1875 г.⁶ Соловьев выехал поездом из Москвы по маршруту Варшава — Берлин — Ганновер — Кельн — Остенде. Оттуда он переправился морем до Дувра, а потом в Англию.

В Лондоне Соловьев работал главным образом в библиотеке Британского музея. К.В. Мочульский в своей «интеллектуальной биографии» Соловьева точно замечает: «Молодой философ... искал ключа к тайной мудрости, чуда, преображающего мир; ему было мало теоретического познания, он хотел дела... Соловьев никогда не был кабинетным ученым и отрешенным от мира мистиком. Он чувствовал себя религиозно-социальным реформатором, жил сознанием приближающегося конца света и хотел действовать немедленно, чтобы его ускорить»⁷. Вот в это время Соловьеву и следует очередное «видение» Софии — Пре-

мудрости Божией, когда некий Голос отчетливо произнес: «В Египте будь...»

И Владимир Соловьев, не мешкая, отправляется в Египет. Ненадолго остановившись в Париже, он пересекает Францию и попадает в Италию. Миновал далее Турин, Пьяченцу, Парму, проехав по Адриатическому побережью Италии через Анкону и Бари в апулийский порт Бриндизи на итальянском «каблуке», 11 ноября 1875 г. Соловьев переправляется с континента в египетскую Александрию.

Через некоторое время в пустыне под Каиром ему следует новое «видение» («свидание с Софией»), о подробностях которого он, однако, умалчивает как в письмах родным, так и в устных рассказах. В письме от 27 ноября он коротко сообщает о случившемся матери: «Путешествие мое в Фиваиду, о котором я писал в прошлом письме, оказалось невозможным. Отойдя верст 20 от Каира, я чуть не был убит бедуинами, которые ночью приняли меня за черта, должен был ночевать на голой земле... вследствие чего вернулся назад»⁸.

4 марта 1876 г. Соловьев пишет матери из Каира о намерении в ближайшие дни возвратиться в Европу и на месяц поселиться в Сорренто, на берегу Неаполитанского залива: «Пищи себе в Египте не нашел никакой, а потому через 8 дней и уезжаю отсюда в Италию вместе с Калачовым (сыном директора архивов), который жил здесь все время. Цертелев уезжает еще раньше. В Италии я поселюсь на один месяц в Сорренто, где в тиши уединения буду дописывать некоторое произведение мистико-теософо-философо-теурго-политического содержания и диалогической формы... Затем отправлюсь в Париж, где для очищения совести займусь немного в Bibliothèque Nationale и, заехав на несколько дней в Лондон, возвращусь к июню через Киев в Москву»⁹.

12 марта Соловьев отплыл из Александрии в Неаполь. Несколькокими днями раньше по этому же маршруту отправился упомянутый выше князь Д.Н. Цертелев, тоже доцент философии, который в конце своей жизни кратко высказался на эту тему: «Соловьеву не удалось выехать из Каира вместе со мною, как он предполагал, и я один отправился в Неаполь и во Флоренцию»¹⁰. Не известно ни одного факта о какой-либо размолвке друзей — в ближайшие полтора месяца они будут обмениваться доверительными письмами, а потом радостно встретятся во Флоренции. Скорее всего, разошлись ближайшие планы: Дмитрий Цертелев торопился встретиться во Флоренции с путешествующим по Италии старшим братом Петром Николаевичем, а Владимир Соловьев, в свою очередь, искал максимального уединения в Сорренто, чтобы доработать и подготовить к изданию текст, который он начал в Каире и которому придавал большое значение.

16 марта 1876 г. Соловьев приплыл в Неаполь, откуда переехал в Сорренто. 20 марта он писал матери: «Покинув землю Египетскую 12-го марта, после благополучного плавания прибыл в Неаполь 16-го, где

пробыл 2 дня, и... уехал в Сорренто вместе с Калачовым... Сорренто, как вам, вероятно, известно¹¹, есть маленький приморский городок в виду Неаполя и Везувия, и отличается всевозможными красотами природы, которыми я, впрочем, не успел еще насладиться по причине непрерывного дождя и бурных ветров, свойственных этому месяцу. Живу я в довольно дешевом отеле над самым морем и думаю пробыть здесь до конца апреля, который в Италии есть лучший месяц»¹².

«Отель над самым морем» из письма домой — это, вообще говоря, мог быть любой отель в приморском Сорренто. Слова «довольно дешевый» в применении к гостиницам — понятие для Соловьева столь же привычное, сколь и относительное. Приехав за восемь месяцев до этого в Лондон, он, по его словам, тоже поселился в «маленьком дешевом отеле»¹³, который, однако, по воспоминаниям бывшего в то время в Лондоне И.И. Янжула, на поверку оказался «дорогим аристократическим отелем», в котором, помимо запредельной цены за номер, Соловьеву навязали еще и знающего немного по-русски «комиссионера», которому надо было платить дополнительно фунт стерлингов в день. Янжулу, имевшему от отца Соловьева полномочия опекать Владимира в Лондоне¹⁴, пришлось срочно перевозить его в популярный среди русских ученых частный пансион, комната в котором (да еще «с чаем и кофеом») стоила всего три фунта в месяц¹⁵.

Есть все основания полагать, что в Сорренто В.С. Соловьев поселился в отеле «Cocumella» в соррентийском пригороде Сант-Аньелло в направлении Каstellамаре и Неаполя. По крайней мере, в этом были абсолютно уверены члены семьи младшего брата Соловьева — Михаила, когда в 1890 г. отправились в Италию, предварительно забронировав номера в «Cocumella». На Брянском вокзале Москвы семью брата в Италию провожал сам Владимир Соловьев, который, несомненно, и рекомендовал родным поселиться именно в «Cocumella»¹⁶.

Племянник Вл. Соловьева, Сергей Михайлович Соловьев-младший, позднее так изложил свои детские впечатления об этом путешествии с родителями: «Далее вспоминаю себя на широкой террасе отеля “Baue”¹⁷ в Венеции; зеленые волны плещут о ступени, скользят гондолы... Промелькнул Неаполь, грязный и жаркий, Каstellамаре, — и вот наш экипаж подъезжает к густому апельсиновому саду, и мы поселяемся в отеле «Cocumella». Мы прожили в Сорренто сентябрь и октябрь. В отеле “Cocumella” еще жива была старая, грязноватая и дикая Италия. В большом саду все дорожки были завалены гнилыми апельсинами и лимонами... В конце сада была каменная площадка, прямо над морем: оттуда был виден Капри и дымящийся Везувий... Через пещеры, где росли кактусы, дорога вела на морской берег. Я собирал раковины и все, что оставлялось на песке приливом»¹⁸.

Известно, что и Михаил Соловьев, и его жена Ольга Михайловна (урожденная Коваленская) буквально боготворили Владимира Серге-

евича¹⁹. Легко понять, что, направляясь в Италию в 1890 г., Соловьевы хотели поселиться не просто в Сорренто, а в том самом месте, где Вл. Соловьев жил четверть века назад, прославившемся в силу обстоятельств, в которые тогда 14-летний Михаил был посвящен первым в семье. Позднее семейную легенду об отеле «Cocumella», созданном на территории старинного католического монастыря, близко воспринял и сын Михаила Сергеевича — Сергей Михайлович Соловьев-младший, который был уверен: «В этом отеле — древнем монастыре иезуитов — написана замечательная третья глава “Софии” — “Процесс космический и исторический”»²⁰.

Отель, где поселился в марте 1876 г. В.С. Соловьев, действительно имеет богатую историю. В самом конце XVIII в. помещения бывшего монастыря были переделаны под пансионат для отдыха генералов наполеоновских армий. Собственно отель был создан здесь в 1822 г. и прославился своими постояльцами, среди которых — Гёте, Андерсен, герцог Веллингтон, Фрейд, Моравиа. Территория отеля примыкает к прекрасному ботаническому саду — Parco dei Principi, достопримечательностью которого является самая знаменитая соррентийская вилла — Villa di Poggio Siracusa, приобретенная в конце XIX в. русским князем К.А. Горчаковым (младшим сыном знаменитого канцлера).

Собирая материалы об отеле «Cocumella», Сергей Соловьев-младший пишет и о том, что в нем некогда останавливался и друг семьи Соловьевых — философ-публицист и земский деятель Павел Александрович Бакунин²¹. Однако в текст книги С.М. Соловьева не вошло важное: летом 1865 г. Павел Бакунин жил в Сорренто не один, а с семьей своего старшего брата (и философского кумира) Михаила Александровича Бакунина. Очевидно, Павел Бакунин не особенно афишировал факт встречи с братом-эмигрантом, за которым охотились многие спецслужбы Европы.

Вместо собственного описания отеля «Cocumella» С.М. Соловьев-младший приводит длинную цитату из популярного среди русских читателей «Путешествия по Италии» Ипполита Тэна в изысканном переводе Петра Перцова²². Будет, однако, более уместным сослаться на рассказ нашего соотечественника — Иннокентия Федоровича Анненского, который, как нам удалось установить²³, останавливался в отеле «Cocumella» летом 1890 г., т.е. совсем незадолго до приезда туда Михаила Сергеевича и Ольги Михайловны Соловьевых с сыном. 28 июля 1890 г. Анненский писал жене из отеля «Cocumella»: «Вот я и в Сорренто, последнем этапе моем в движении на юг. Боже мой, что за красота этот юг! Я сижу на балконе, прямо перед глазами море: наконец-то я увидел настояще-синий (как в корыте с синькой) и настоящий изумрудный цвет моря. Огромный Везувий просто лезет в глаза... От залива отделяет нас один сплошной сад — я таких деревьев, такой зелени никогда не видал. Темная раскидистая шапка грецкого ореха и рядом пыльная

оливка, красные апельсины – они поспевают в течение целых шести месяцев, золотые огромные лимоны, олеандры, фиговые деревья. Особую красоту вида составляют сосны особого вида, похожие на пальмы, с зеленью только наверху. С боковых крыльев балкона открывается вид на горы, покрытые сверху хвойными деревьями... Среди зелени садов (Сорренто – все один сплошной сад), там и сям видны отели, виллы, группы домиков, старинная церковь»²⁴.

Судя по всему, весной 1876 г. все эти красоты неаполитанского побережья не очень интересовали Владимира Сергеевича Соловьева. Как же он проводил свое время и с кем встречался в Сорренто?

Как мы знаем из писем Соловьева домой, его спутником в путешествии из Египта в Неаполь, а потом в Сорренто был Александр Николаевич Калачов, сын директора Императорского архива, историка-академика Н.В. Калачова, который регулярно выезжал на юг лечиться от туберкулеза²⁵. По информации мужа сестры А.Н. Калачова, барона П.Г. Черкасова, весной 1876 г. Владимир Соловьев и Александр Калачов, помимо Неаполя и Сорренто, жили также некоторое время на острове Капри²⁶, что требует, однако, дальнейшего исследования.

С.М. Лукьянов постарался разыскать людей, которые могли лично встречаться с Вл. Соловьевым в Сорренто. Один такой свидетель был найден. Это А.А. Фишер фон Вальдгейм, крупный натуралист, профессор ботаники, ставший впоследствии Директором Императорского ботанического сада в Петербурге. Лукьянов пишет в этой связи: «В Сорренто он (А.А. Фишер фон Вальдгейм. – А. К.) участвовал в некоторых туристских прогулках по окрестностям, и ему приходилось видеть Вл.С. Соловьева. Подобно другим, он невольно обращал внимание на обаятельную внешность молодого философа, но близких отношений между ними не завязалось. Одно только хорошо запомнилось А.А. Фишеру фон Вальдгейму: необыкновенная щедрость Соловьева. Бедняки, преследовавшие туристов своим попрошайничеством, неизменно находили в Соловьеве отзывчивого и всегда благодушного благотворителя. Он беззаботно опораживал для них свой кошелек, а когда кошелек оказывался пустым, он бросал им, наконец, и самый кошелек, что было, по-видимому, приемом для него привычным»²⁷. Свидетельства А.А. Фишера фон Вальдгейма совпадают с воспоминаниями близко общавшейся с В.С. Соловьевым в Сорренто Н.Е. Ауэр, которыми она в 1890-х гг. поделилась с С.К. Маковским: «Надежда Евгеньевна не без юмора рассказывала о необыкновенно расточительной его (Соловьева. – А. К.) щедрости и полной непригодности к практической жизни»²⁸.

Здесь мы, наконец, подошли к описанию наиболее интересной из встреч В.С. Соловьева в Сорренто, сыгравшей важную роль в его жизни, а именно – к его знакомству с Надеждой Евгеньевной Ауэр. Диапазон определений, которыми сам Вл. Соловьев характеризовал

эти отношения, весьма широк: от «приятного знакомства» (письмо к матери, помеченное 12 апреля 1876 г.)²⁹, до «ухаживания» (письмо к брату Михаилу)³⁰ и, наконец, «увлеченности» (письмо к В.Л. Величко на Пасху 1895 г.)³¹. Подтверждает факт «ухаживания за нею молодого, легко воспламеняющегося доцента» и сама Н.Е. Ауэр³². В то же время С.М. Соловьев-младший, как и многие другие из близких Владимира Соловьева, защищающих версию о «единственной любви» в его жизни – к С.П. Хитрово, предпочитал говорить об отношении Соловьева к Ауэр как о «мимолетном романтическом чувстве»³³.

Надежда Евгеньевна Ауэр (в девичестве Пеликан) была младшей дочерью Евгения Венцеславовича Пеликана – профессора Медико-хирургической академии, лейб-медика великой княгини Елены Павловны, ставшего затем директором Медицинского департамента. В мае 1874 г., в 19 лет и менее чем за два года до описываемых событий, Надежда Ауэр, «по страстной любви» и вопреки сопротивлению отца, вышла замуж за скрипача-виртуоза венгерско-еврейского происхождения Леопольда Ауэра, приехавшего работать в Россию и ставшего солистом двора Его Императорского Величества, а потом и дирижером придворной певческой капеллы (в 1883 г. он сменил австро-венгерское подданство на российское). После свадебного путешествия в Венгрию молодые супруги сняли апартаменты в Петербурге на Крюковом канале, а позднее купили большую дачу в Дуббельне – известном курорте под Ригой, где регулярно давались представления и концерты.

Внешность Надежды Ауэр описал близко знавший ее известный юрист А.Ф. Кони: «Надежда Евгеньевна – белокурая стройная особа, с изящным лицом польского типа; глаза темно-голубые, изящные ручка и ножка, мягкий контральт... Нельзя было назвать ее победительной красавицей, но она покоряла окружающих необыкновенно мягкой и изящной женственностью»³⁴. Аналогичный образ Надежды Ауэр рисует близкая к ее семье Александра Унковская (Захарьина): «...блондинка, изящнейшее в мире существо»³⁵. Надо добавить, что Надежда Ауэр была очень образованной женщиной: свободно читала и переводила с французского, знала наизусть Монтеня, Ронсара, Бодлера.

В ту весну 1876 г., о которой идет речь, Леопольд Ауэр был сильно загружен концертной деятельностью, и Надежда Евгеньевна отправилась в Сорренто в сопровождении некоей «приятельницы», фигурирующей в письмах Владимира Соловьева, как «m-lle Train». О некоторых подробностях взаимоотношений Соловьева и Ауэр в марте–апреле 1876 г. пишет в своей книге С.М. Соловьев. Одна из соррентийских историй, по-видимому, хорошо известная родным Соловьева со слов, несомненно, самого Владимира Сергеевича, выглядит так: «Н.Е. Ауэр недавно вышла замуж и очень тосковала о своем муже, находившемся в Петербурге. Однажды Соловьев попросил провести с ним вечер. Надежда Евгеньевна согласилась при условии, что Соловьев даст ей

услышать голос или звуки скрипки ее мужа; подобно многим, она верила в магические способности Соловьева. Когда они остались одни, Соловьев вперил в нее такой взгляд, что ей сделалось страшно. Лампа сама потухла, в воздухе явственно пронесся звук отдаленной скрипки. Лампа вновь зажглась сама собой, а измученный напряжением Соловьев упал на колени перед Надеждой Евгеньевной и зарыдал»³⁶.

6 апреля 1876 г. во время прогулки с Надеждой Ауэр к кратеру вулкана Везувий с Владимиром Соловьевым приключилось несчастье. О подробностях случившегося написал в своих воспоминаниях князь Д.Н. Цертелев, одним из первых услышавший эту историю непосредственно от Соловьева во Флоренции. Когда путешественники уже спускались с крутого склона Везувия верхом на лошадях, к Соловьеву «пристала куча мальчишек, требуя милостыни. Соловьев раздал им всю мелочь, а так как они продолжали приставать, то в доказательство, что у него больше ничего нет, бросил им свой кошелек; когда и это не помогло, вздумал спастись от них бегством»³⁷. Спасаясь от попрошаек, Соловьев на крутом склоне попытался пустить лошадь в галоп, та оступилась и упала, а сам всадник больно расшиб руки и колени. Соловьев был доставлен в клинику в Неаполь, где пролежал около недели.

Обобщив все имеющиеся в его распоряжении материалы, биограф Владимира Соловьева С.М. Лукьянов пришел к выводу: «Несчастливая случайность, жертвой которой он (Соловьев. — А. К.) сделался, угрожала ему, действительно, существенными бедами... Соловьев был, можно сказать, на волосок от смерти тут же, на месте. В Англии и в Египте ему приходилось считаться с серьезными для него мистическими переживаниями; теперь, в Италии, ему суждено было испытать, в буквальном смысле слова, серьезные столкновения с реальной действительностью»³⁸.

Перевезенный в свой отель в Сорренто где-то 13–14 апреля, сильно травмированный Соловьев лишь 20 апреля смог написать несколько строк князю Цертелеву во Флоренцию: «Дорогой Дмитрий Николаевич! Могу написать тебе только несколько слов: рука болит. Возвращаясь с Везувия, я искалечился и, может быть, останусь калекой на всю жизнь. Нахожусь в состоянии плачевном и намерений никаких не имею»³⁹. В тот же день Соловьев с трудом выводит короткое письмо брату Михаилу, которому недавно исполнилось 14 лет: «Дорогой Миша! Поздравляю тебя с совершеннолетием и сожалею, что не могу по сему случаю прислать тебе ни торжественной оды, ни даже длинного письма, ибо рука моя действует плохо. Две недели назад, возвращаясь с Везувия, я упал вместе с лошадью и получил рану на колене и разбил обе руки. 4 дня лежал без движения и теперь еще едва хожу»⁴⁰.

Несмотря на то, что биографу Соловьева, С.М. Лукьянову, удалось убедительно реконструировать период между 6 апреля 1876 г. (падение на склоне Везувия) и 20 апреля (первые письма, написанные рукой

Соловьева уже из Сорренто), для него осталось загадкой так называемое «пасхальное письмо» Соловьева матери, отправленное, судя по авторской пометке, из Сорренто 12 апреля по новому стилю. В этом письме Соловьев, в частности, пишет: «Я это время жил попеременно в Неаполе и Сорренто; сделал одно новое приятное знакомство, о котором напишу после... На днях оставляю Сорренто и еду в Париж один...»⁴¹ С.М. Лукьянов справедливо обратил внимание на серьезное противоречие, которое, впрочем, не стал никак комментировать: «Спокойный тон письма от 31-го марта (12-го апреля) 1876 г. не позволяет предполагать, чтобы Соловьев находился в это время в сколько-нибудь исключительных условиях. А между тем примерно за неделю до названной даты с ним приключилось несчастное происшествие, которое могло угрожать даже очень тягостными последствиями»⁴².

Действительно, как могло получиться, что Соловьев смог написать матери 12 апреля достаточно объемное письмо, если 6 апреля он получил тяжелейшие травмы, в том числе обеих рук, и даже 20 апреля с трудом смог вывести несколько строчек брату Михаилу в Москву и Цертелеву во Флоренцию? Загадка усугубляется еще и тем, что, судя по авторской пометке на письме матери, оно было написано 12 апреля именно в Сорренто, в то время как все другие материалы говорят о том, что минимум до 13–14 апреля Соловьев еще лежал в больнице в Неаполе. На мой взгляд, все противоречия снимаются предельно простым объяснением, на которое не отважился осторожный Лукьянов.

Итак, не поздравить родителей с Пасхой Владимир Соловьев никак не мог. Но и написать вовремя он был тогда не в силах по причине серьезнейших травм. Судя по всему, он выбрал меньшее из зол, пойдя на сравнительно невинную хитрость: написал письмо позднее, когда чуть поправился, проставив «правильную дату».

Судя по всему, в самом конце апреля 1876 г. Надежда Ауэр и ее компаньонка м-ль Трайн покинули Сорренто. Но в эти последние перед их отъездом дни выздоравливающий Владимир Соловьев буквально осыпал их знаками благодарности. На этот счет есть мемуары В.А. Пыпиной-Ляцкой — дочери известного историка русской культуры А.Н. Пыпина, в доме которого Соловьев часто бывал: «С большим юмором рассказывал он (Соловьев. — А. К.) также о своих злоключениях в Италии, когда он, поднимаясь на Везувий с двумя знакомыми дамами, повредил себе ногу и лишен был возможности продолжать путешествие. Последние деньги истратил он на чудные розы, которые послал своим спутницам, и жил в гостинице в долг, ожидая присылки денег из Москвы. В гостинице сначала ему охотно открывали кредит, но потом стали косо поглядывать. Владимир Сергеевич все более и более сокращал свои потребности, стал уже питаться одним кофе. Деньги все не шли. Как только нога поправилась настолько, что явилась возможность передвигаться, он обратился к русскому консулу, рассказал о

своей беде, дал о себе необходимые сведения и просил ссудить деньгами. Консул выслушал серьезно, денег дал, но выразил сожаление, что у столь знаменитого, уважаемого человека, как историк Соловьев, такой «беспутный» сын. Вернувшись в гостиницу, Владимир Сергеевич велел подать себе шампанское и как можно больше роз. Хозяин гостиницы стал называть его князем. Рассказывал Владимир Сергеевич искренно и с увлечением»⁴³.

Итак, главы трактата «Sofia», написанные Владимиром Соловьевым в соррентийском отеле «Socumella» в марте — апреле 1876 г., писались при весьма драматических обстоятельствах. Добавлю к этому еще одну деталь, найденную в мемуарах известного литературного критика Н.А. Макшеевой. В середине апреля 1896 г. она навестила В.С. Соловьева в Царском селе и когда гостя сообщила Соловьеву, что едет на тирренское побережье Италии, тот ответил: «Теперь еще ничего, а уж в мае там невыносимо будет из-за цветов, так они ароматичны. Я действительно не мог спать, когда мне пришлось быть в это время в Италии»⁴⁴. Это свидетельство добавляет характерный штрих к жизнеощущению Соловьева поздней весной 1876 г.: к последствиям тяжелой травмы на Везувии и действию сильных обезболивающих, добавились, оказывается, еще и «невыносимые», не дававшие уснуть запахи цветов... Разумеется, обо всех этих обстоятельствах не мог знать, например, А.Ф. Лосев, который охарактеризовал написанный Соловьевым трактат «Sofia», как «жуткий философско-мистический набросок», наполненный «стихийным и неистовым бурлением разного рода сложных страстей философского, теософского и оккультного характера вперемешку с тем, что иначе и нельзя назвать, как философским бредом»⁴⁵.

В начале мая 1876 г., несколько наладив свои финансовые дела, Соловьев уехал из Сорренто сначала через Неаполь во Флоренцию, где провел несколько дней, а затем, коротко посетив Венецию и Геную⁴⁶, — в Париж...

Спустя много лет, поздней осенью 1894 г., на популярном финском курорте Рауха на озере Сайма Владимир Соловьев и Надежда Ауэр случайно встретились вновь. Соловьев написал тогда брату Михаилу: «Еще третьего дня гулял по снежным равнинам на Сайме с м-м Ауэр, за которой 19 лет назад ухаживал на Везувии»⁴⁷. Позднее Соловьев чуть подробнее написал об этом В.Л. Величко: «Я благополучно приехал, но не совсем благополучно водворился в Раухе. Она полна гостей, комната моя оказалась занятой, и мне дали другую внизу, с ходящими над моей головой индивидуями обоего пола и разного возраста. Зима здесь в полной силе, и это начинает быть скучным. Некоторая компенсация всего этого — соседство семьи Ауэр, воспоминания о Сорренто, где я был 19 лет тому назад»⁴⁸.

Владимир Соловьев посвятил Надежде Ауэр два стихотворения, написанные во время пребывания в Финляндии в 1894–1895 гг. И если

первое — «Сайма в полдень» («Этот матово-светлый жемчужный простор...») — это явная стилизация с нехитрым описанием окрестного пейзажа, то второе — «Лишь только тень живых, мелькнувши, исчезает», написанное в апреле 1895 г., — несет в себе подлинный трагизм и является одной из вершин поэтического творчества Соловьева.

Лишь только тень живых, мелькнувши, исчезает,
Тень мертвых уж близка,
И радость горькая им снова отвечает
И сладкая тоска.

Что ж он пророчит мне, настойчивый и властный
Призыв родных теней?
Расцвет ли новых сил, торжественный и ясный,
Конец ли смертных дней?

Но чтоб ни значил он, привет ваш замогильный,
С ним сердце бьется в лад,
Оно за вами, к вам, и по дороге пыльной
Мне не идти назад.

Близкая дружба Владимира Соловьева и Надежды Ауэр продолжилась в Петербурге. К тому времени Ауэр разошлась с мужем-скрипачом, хотя официально развод будет оформлен много позже. Хорошо знавший ее в те годы А.Ф. Кони рассказал С.М. Лукьянову: «Надежда Евгеньевна с годами оглохла... Надо было говорить очень громко, чтобы она хоть что-нибудь услышала. Это была очень образованная женщина, с грациозным складом ума, умевшая высказывать разные мысли в изящной форме. Так как глухота мешала ей посещать различные публичные собрания, театры и т.под., то она вела довольно уединенную жизнь; но у себя дома она теплилась и грела, как яркая лампада»⁴⁹.

Близко знал Н.Е. Ауэр и Сергей Константинович Маковский: «В семье Ауэр... царила не только музыка, но и французская книга. Надежда Евгеньевна читала и перечитывала своих любимцев неумолимо. К тому же смолоду она стала глохнуть, в сорок лет слышала совсем плохо, больше угадывала слова по движению губ — оттого перестала посещать концерты, вообще замкнулась у себя дома, в обществе избранных французских авторов и немногих друзей — писателей по преимуществу. Своим едва слышным голосом, необыкновенным изяществом обращения и умением проникаться мыслью собеседников эта хрупкая, преждевременно увядшая, даже некрасивая, но изумительно очаровательная женщина приколдовывала к себе, когда этого хотела»⁵⁰. «Одним из приколдованных», полагал Маковский, «был и Владимир Сергеевич Соловьев, которого я встретил у Ауэр. Они познакомились за границей, где-то в горах... Надежде Евгеньевне невольно говорилось о том, что другому не скажешь, она располагала к исповеди... Владимир

Соловьев не раз поверял ей свои тайные видения. От нее не раз слышал я рассказы об этой “ненормальности” философа. Он был галлюциантом закоренелым»⁵¹.

Маковский был непосредственным участником встреч Соловьева и Ауэр сначала на Сайме, а потом в Петербурге: «Соловьев дружески сошелся с Надеждой Евгеньевной, и эта умственная близость оставалась неомраченной в его последние годы. У меня создалось впечатление, что ни с кем не общался он так задушевно просто, никому не поверял чистосердечнее своих тайных дум и невероятнейших духовных “приключений”... Н.Е. Ауэр была одной из тех, кому он верил и кому доверял свои таинственные видения. Испушенная во всех тонкостях интеллектуализма конца века, она восторгалась гениальностью Соловьева, умела его слушать и ничему не удивлялась. После Рауха он часто навещал ее в Петербурге (больше по вечерам), чтобы поделиться мыслями и рассказать о являвшихся к нему запросто призраках... Он любил говорить о мире загробном. Может быть, уже предчувствовал смерть?»⁵²

Владимир Сергеевич Соловьев скончался 13 августа 1900 г. в имении своих друзей Трубецких — Узком под Москвой. После 1876 г. он никогда не был в Италии: история о том, что в 1888 г., во время поездки в Париж для печатания своих церковно-политических работ на французском языке он якобы имел тайную аудиенцию у римского папы в Ватикане, — не более чем легенда.

Дальнейшая судьба Надежды Евгеньевны Ауэр, напротив, оказалась тесным образом связана с Италией. После большевистской революции она уехала во Флоренцию и жила там до 1929 г., когда решила вернуться на родину, поближе к дочерям. Она скончалась в 1933 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Неаполе. — М., 2002. См. также: *Лысова Н.Ю.* Живописная репрезентация городов Италии в отечественном искусстве XVIII — начала XX века // Вестник Мордовского университета. 2008. № 4. С. 26–34.

² См.: *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Венеции. — М., 2001; см. также: *Жукова О.А.* О мифологических соблазнах русской истории и культуры // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 110–122.

³ Фрагменты, вошедшие в трактат «София», были впервые опубликованы в Швейцарии на языке оригинала (*Soloviev V.* La Sophia et les autres écrits français. — Lausanne, 1978). Большая работа по комментированному переводу этих текстов на русский язык проделана А.П. Козыревым, который пишет: «У французской рукописи «София» странная судьба. Если бы она была завершена и опубликована, пусть даже и за границей, в России непременно разразился бы скандал — столь дерзкой была конфессиональная смелость двадцатитрехлетнего философа, претендующего на основание новой вселенской религии и насмехающегося над незыблемыми догматами православия».

вия. Замысленная как докторская диссертация, а “София” превратилась в “первичный бульон”, в котором зародились идеи Соловьева, составившие затем основание многих его философских работ» (*Козырев А.П.* Парадоксы незавершенного трактата. К публикации перевода французской рукописи Владимира Соловьева «София» // Логос. 1991. № 2; См. также: *Козырев А.П.* В.С. Соловьев и гностики. — М., 2007).

⁴ *Лукьянов С.М.* О Вл.С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. Кн. 3. Вып. 1. Главы XIX–XXV. — Пг., 1921 (Далее в сносках: *Лукьянов С.М.* Материалы).

⁵ См. там же. С. 64.

⁶ Здесь и далее в тексте, за исключением особо оговариваемых случаев, все даты даются по новому стилю. — А. К.

⁷ *Мочульский К.В.* Владимир Соловьев. Жизнь и учение // *Мочульский К.В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. — М., 1995. С. 97.

⁸ Письма Владимира Сергеевича Соловьева / под ред. Э.Л. Радлова. Т. 2. — СПб., 1909. С. 19 (далее в сносках — Письма). Через некоторое время, поняв, что это сообщение могло встревожить родных, он пытается их успокоить: «Происшествие с арабами более меня позабавило, чем испугало» (там же. С. 21).

⁹ Там же. С. 23.

¹⁰ *Цертелев Д.Н.* Из воспоминаний о Владимире Сергеевиче Соловьеве // Книга о Владимире Соловьеве. — М., 1991. С. 309.

¹¹ Интонация этой фразы абсолютно утвердительная: разумеется, в интеллигентной московской семье Соловьевых хорошо знали о существовании Сорренто. — А. К.

¹² Письма. Т. 2. С. 24.

¹³ Письмо родителям от 12 июля 1875 г. (Письма. Т. 2. С. 3).

¹⁴ И.И. Янжул вспоминал, что накануне отъезда в Лондон он встретился с отцом В.С. Соловьева — историком С.М. Соловьевым: «Сергей Михайлович в конце вечера отвел меня в сторону и сообщил мне интимным образом: “Вот вы теперь едете в Лондон, как сообщали, где скоро будет мой сын Володя... Он мальчик хороший, но жить не умеет, проживает очень много от неопытности; его обидают. Не будете ли вы так добры, если встретитесь, это, наверное, возможно, если пожелаете, позаботиться об его устройстве и помочь ему, в виду его неопытности”» (*Янжул И.И.* Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. — СПб., 1910. Вып. 1. С. 125).

¹⁵ *Янжул И.И.* Воспоминания о пережитом и виденном. С. 125–126; см. также письмо Вл. Соловьева родителям от 13 июля 1875 г. из Лондона (Письма. Т. 2. С. 4).

¹⁶ См.: *Соловьев С.М.* Воспоминания. — М., 2003. С. 91.

¹⁷ Весной 1913 г. здесь же, в венецианском «Бауэре», останавливались и мои дед с бабушкой — присяжный поверенный Сергей Георгиевич Кара-Мурза и его жена, дочь московского купца 2-й гильдии Мария Алексеевна Головкина.

¹⁸ Соловьев С.М. Воспоминания. С. 92.

¹⁹ С.М. Лукьянов замечает, что, будучи моложе Владимира на девять лет, Михаил настолько любил и уважал брата, что в порыве восторга целовал ему руки (*Лукьянов С.М.* Материалы. Кн. 1. Вып. 1. С. 19). Что касается Ольги Михайловны, то она была ученицей Владимира Сергеевича и к тому же убежденной италоманкой: училась живописи во Флоренции, а в конце жизни даже расписала один из тамбовских храмов в духе Мазаччо.

²⁰ Соловьев С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. – М., 1997. С. 117. В 1912–1913 гг. Сергей Михайлович Соловьев-младший снова проедется по «соловьевским местам» в Сорренто и Флоренции со своей женой Татьяной Алексеевной (урожденной Тургеневой). В октябре 2015 г. мне с моими коллегами-философами из Института философии РАН и Высшей школы экономики удалось посетить соррентийский отель «Cosumella» и постоять на террасе, с которой любовались Неаполитанским заливом несколько поколений Соловьевых.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Кара-Мурза А.А. Иннокентий Федорович Анненский // Знаменитые русские о Неаполе. – М., 2002. С. 184 – 188.

²⁴ Анненский И.Ф. Письмо Н.В. Анненской от 28 июля 1890 г. // Встречи с прошлым. – М., 1996. Вып. 8. С. 45–46.

²⁵ По некоторым сведениям, А.Н. Калачов скончался в Италии от чахотки в 1877 г. (см.: *Лукьянов С.М.* Материалы. Кн. 3. Вып. 1. С. 256. Прим. 1627).

²⁶ Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3. Вып. 2. С. 17–18. Этой информацией барон П.Г. Черкасов поделился с С.М. Лукьяновым в конце 1914 г. Правда, свидетельство это в устах барона выглядело странно: «Сначала они жили вместе на Капри, а затем в Италии». Лукьянов, видимо, посчитал такой оборот речи нонсенсом (в самом деле, остров Капри – это ведь тоже Италия) и указал в примечании, что под «Капри» Черкасов имел в виду, конечно же, «Каир» (см.: *Лукьянов С.М.* Материалы. Кн. 3. Вып. 2. С. 187. Прим. 1849). На наш взгляд, это все-таки слишком опрометчивое заключение: Капри находится так близко от Сорренто, что жить достаточно продолжительное время в Сорренто и не побывать на Капри – это тоже нонсенс. Остается признать, что вопрос о пребывании Вл. Соловьева весной 1876 г. на острове Капри остается открытым.

²⁷ Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3. Вып. 1. С. 330–331.

²⁸ Маковский С.К. Последние годы Владимира Соловьева // Маковский С.К. Портреты современников. – М., 2000. С. 278–279. Эти свидетельства становятся в общий ряд с десятками аналогичных случаев, имевших место уже в России и подтверждаемых многими наблюдателями. Не вдаваясь в перечисление, приведем лишь обобщающую характеристику этого явления (В.Л. Величко точно назвал его «мистической любовью к нищим»), данную князем Евгением Трубецким: «Он (В.С. Соловьев – А. К.) был бессребрянником в буквальном смысле слова, потому что серебро решительно не уживалось в его кармане; и это – не только вследствие редкой своей детской доброты, но так-

же вследствие решительной неспособности ценить и считать деньги. Когда у него их просили, он вынимал бумажник и давал, не глядя, сколько захватит рука, и это – с одинаковым доверием ко всякому просившему» (*Кн. Трубецкой Евг.* Мирозозерцание Вл. Соловьева. Т. 1. – М., 1913. С. 12).

²⁹ Письма. Т. 2. С. 25.

³⁰ См.: Соловьев С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция... С. 308.

³¹ Письма. Т. 1. С. 222.

³² См.: Маковский С.К. Последние годы Владимира Соловьева. С. 279.

³³ См.: Соловьев С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. С. 127.

³⁴ Своими воспоминаниями А.Ф. Кони поделился с С.М. Лукьяновым (см.: *Лукьянов С.М.* Материалы. Кн.3. Вып. 1. С. 328).

³⁵ Унковская А. Воспоминания // Вопросы теософии. 1916. № 5–6. С. 42.

³⁶ Соловьев С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. С. 127. Надо добавить, что С.М. Соловьев считал, что его дядя, Владимир Соловьев, обладал «исключительными оккультными знаниями и силами» (см.: Соловьев С. Идея церкви в поэзии Владимира Соловьева // Соловьев С. Богословские и критические очерки. – Томск, 1996. С. 14).

³⁷ Цертелев Д.Н. Из воспоминаний о Владимире Сергеевиче Соловьеве // Санкт-Петербургские ведомости. 1910. № 211. 4 октября. С. 3.

³⁸ Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3. Вып. 1. С. 327.

³⁹ Письма. Т. 2. С. 231.

⁴⁰ Цит. по: Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3. Вып. 1. С. 323. Это письмо было найдено Лукьяновым в архиве Российской публичной библиотеки и не вошло в первое Собрание сочинений В.С. Соловьева. Это, скорее всего, говорит о том, что письмо было конфиденциальным и хранилось Михаилом Соловьевым отдельно от семейного архива. – А. К.

⁴¹ Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 2. Вып. 1. С. 311.

⁴² Там же.

⁴³ Пытина-Ляцкая В.А. Владимир Сергеевич Соловьев. Страничка из воспоминаний // Книга о Владимире Соловьеве. – М., 1991. С. 208–209.

⁴⁴ Цит по: Владимир Соловьев: Pro e contra. Т. 1. – СПб., 2000. С. 369.

⁴⁵ Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. – М., 1990. С. 223.

⁴⁶ См.: Кара-Мурза А.А. Интеллектуальные портреты. Очерки о русских мыслителях XIX–XX вв. Вып. 2. – М., 2009. С. 35–36; Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские в Генуе. – М., 2013. С. 4–6.

⁴⁷ См.: Соловьев С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. С. 308.

⁴⁸ Величко В.Л. Владимир Соловьев. С. 187. В первом томе «Писем» В.С. Соловьева письмо это воспроизводится несколько иначе. Фамилия семьи Ауэров скрыта под буквой N, а последняя фраза звучит так: «Где я 19 лет тому назад слегка увлекался m-me N., – теперь она наполовину оглохла и с нею три взрослых дочери» (Письма. Т. 1. С. 222).

⁴⁹ См.: Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3. Вып. 1. С. 343–344.

⁵⁰ Владимир Соловьев: Pro e contra. Т. 1. С. 517.

⁵¹ Там же. С. 517–518.

⁵² Маковский С.К. На Парнасе Серебряного века. – М., 2000. С. 100.

REFERENCES

Kara-Murza A.A. *Famous Russians about Naples*. Moscow, Nezavisimaya Gazeta, 2002. 512 p. (in Russian)

Kara-Murza A.A. *Famous Russians about Venice*. Moscow, Nezavisimaya Gazeta, 2001. 384 p. (in Russian)

Kozyrev A.P. *V.S. Soloviev and Gnostiks*. Moscow, S.A. Savin Publ., 2007. 544 p. (in Russian)

Letters of Vladimir Sergeevich Soloviev. E.L.Radlov (ed.). 4 volumes. Saint Petersburg, Obshestvennaya Polza, 1909-1924 (in Russian).

Losev A.F. *Vladimir Soloviev and his Time*. Moscow, Progress, 1990. 720 p. (in Russian)

Lukyanov S.M. *About Vladimir Soloviev in his Early Years*. 3 volumes. Petrograd, 1921 (in Russian).

Soloviev S.M. *Memories*. Moscow, NLO, 2003. 496 p. (in Russian)

Аннотация

Русский философ Владимир Сергеевич Соловьев посетил итальянский городок Сорренто под Неаполем во время большой европейской командировки 1875–1876 гг. Именно в Сорренто, в отеле «Кокумелла», Соловьев написал начатый в Египте трактат «София» (на французском языке), который впервые обозначил контуры его грандиозной философской концепции. На большом фактическом материале автор статьи исследует обстоятельства пребывания Владимира Соловьева в Сорренто.

Ключевые слова: Италия, Сорренто, русская философия, культура, путешествие.

Summary

The Russian philosopher Vladimir Soloviev visited the Italian town of Sorrento (near Naples) during a big European trip of 1875–1876. It is in Sorrento, in the hotel “Cocumella”, that Soloviev had written (in French) the treatise “Sofia”, started in Egypt, which for the first time outlined his grand philosophical concept. The author investigates the circumstances of Vladimir Soloviev’s stay in Sorrento based on a large amount of factual material.

Keywords: Italy, Sorrento, Russian Philosophy, culture, voyage.